Влас Михайлович Дорошевич

«Вишневый сад»

Влас Михайлович Дорошевич
«Вишневый сад»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651675

Аннотация

«Говорят, Л.Н. Толстой, который очень любит произведения А.П. Чехова, не признает в нем драматурга.

– Но чеховские драмы хороши, как чеховские рассказы! – возражают ему.

Он, говорят, отвечает:

– Ну, да! Это и есть не драмы, а рассказы…»

Содержание

* * * 4

Влас Михайлович Дорошевич
Вишневый сад[1]

* * *

Говорят, Л.Н. Толстой[2], который очень любит произведения А.П. Чехова, не признает в нем драматурга.

– Но чеховские драмы хороши, как чеховские рассказы! – возражают ему.

Он, говорят, отвечает:

– Ну, да! Это и есть не драмы, а рассказы.

Может быть, Л.Н. Толстой и в этом случае прав.

Может быть, «Вишневый сад», например, скорее повесть в лицах, чем сценическое произведение.

Может быть, в чтении эта повесть производит сильное

---

[2] *…Л.Н. Толстой, который очень любит произведения А.П. Чехова, не признает в нем драматурга.* – Скептическое отношение Л.Н. Толстого к чеховской драматургии зафиксировано близкими к Чехову людьми, Л.И. Авиловой, П.А. Сергеенко, И.А. Буниным (см. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. П. Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911). «Чеховская драматургия и в малой мере не отвечала представлению Толстого о высших религиозных задачах искусства. Но даже в более узком смысле – в понимании драматических конфликтов, характеров – Толстой не был согласен с Чехов» (В. Лакшин. Толстой и Чехов. М., 1975, с. 384).

впечатление[3].

Великий режиссёр г. Станиславский. Но воображение режиссёра еще лучше.

Вечером, одному, читать финал чеховской повести-драмы – это, вероятно, страшно.

Пустой дом. Запертые двери. Наглухо затворены окна. Старый крепостной слуга лежит на диване. Раздаются удары топора. Рубят вишневый сад.

Словно заколачивают фоб.

Это страшная сцена, и в чтении она, быть может, еще сильнее. Быть может.

Но мне кажется, что чеховская драма и есть настоящий театр.

Освободить театр от «театральности».

Довольно этих «условностей», от которых пахнет ремеслом, довольно этих театральных жестов, каких никто не делает в жизни, интонаций, которых в жизни никогда не звучит, слов, которые в жизни произнести стыдно: скажут – «театрально».

Пусть жизнь остается на сцене, как в спокойных водах отражаются печальные вербы, и веселые цветы, и голубое бездонное небо.

Это будет прекрасно, – потому что все истинное прекрасно.

---

[3] *Может быть, в чтении эта повесть производит сильное впечатление.* – См. письмо Дорошевича к К.С. Станиславскому (раздел «Письма»).

– Правда ли то, что происходит в чеховской драме?

– Правда.

– Типично это, характерно?

– Типично и характерно.

– Интересно?

– Интересно.

Все вопросы кончены.

«Вишневый сад» полон щемящей душу грусти.

Это комедия по названию, драма по содержанию. Это – поэма.

Помещичье землевладение умирает, и Чехов прочел ему отходную, поэтическую, прекрасную.

И в голосе его дрожат слезы.

Помещица Раневская, ее брат Гаев, помещик Симеонов-Пищик, это – morituri[4].

Они легкомысленны, безалаберны, беспомощны.

Г-жа Раневская транжирит деньги за границей, разоряясь на какого-то обирающего ее альфонса[5]. И страшно любит дочь.

Все мысли, вся душа ее в Париже, но она «страшно любит родину» и «не могла без слез смотреть на поля, когда ехала в вагоне».

Она гладит и целует шкап, которого не видела 7 лет:

---

[4] Обреченные *(лат.)*.

[5] *Альфонс* – любовник, находящийся на содержании у женщины. Образовано от имени главного героя комедии А. Дюма-сына «Господин Альфонс».

– Мой милый, милый, старый шкап!

И пропускает мимо ушей, когда ей говорят, что умер один из старых слуг.

Она – воплощение беспомощности. Кошелек откроет, – деньга растеряет. Гулять пойдет, – платок, веер все потеряет.

За ними нужна нянька.

Как старый крепостной слуга Фирс, который выговаривает своему седому барину:

– Брючки не те опять надели! Приносит ему пальто:

– Наденьте. Наденьте. Простудитесь. Меняет ему носовые платки.

Они беспомощны, как дети.

«Как дети».

Вот это-то и наполняет чеховское произведение щемящей грустью.

Перед вами гибнут, беспомощно гибнут старые, седые дети. И как детей, вам жаль.

Все в жизни застает их врасплох.

Известие, что «Вишневый сад» продан, застает их, когда они танцуют, смотрят фокусы, слушают, как начальник станции читает толстовскую «Грешницу»[6].

Они говорят о материях философских, о том, что такое «гордый человек», в то время, как набатом гудит напомина-

---

[6] *…начальник станции читает толстовскую «Грешницу».* – Поэма А.К. Толстого «Грешница» (1858) – о блуднице, прощенной Христом, – была в репертуаре литературных вечеров и пользовалась большой популярностью.

ние:

– Помните, что «Вишневый сад» продают… продают… Что они могут делать?

Жаловаться, плакать, говорить. И говорить-то только, по их мнению, «красивые слова». На самом деле шаблонные, затрепанные.

Они некультурны.

Ничему не учились, ничего не знают:

– Ницше – великий философ! – доказывает, говорят, в своих книгах, что можно делать фальшивые ассигнации[7]. Удивительно!

– А то еще один философ, говорят, пишет, что надо прыгать с крыши. «Прыгай», – ив этом все дело!

И этим детям, слабым, невежественным, избалованным приходится вести борьбу за существование. Что они могут? Просить взаймы. Мечтать:

– Генерал даст взаймы. Тетка-графиня пришлет. Богатый на дочери женится.

Их спасает еще случай.

Железную дорогу чрез имение провели. «Отчуждение». Выплыл!

– Глину какую-то белую англичане в имении у меня нашли. В аренду взяли.

---

[7] *Ницше… доказывает, говорят, в своих книгах, что можно делать фальшивые ассигнации.* – Неточно процитированные слова Симеонова-Пищина, персонажа «Вишневого сада». *Ницше* Фридрих (1844—1900) – немецкий философ, один из основателей «философии жизни».

Выплыл! Дышит. Но ведь «перед смертью не надышишься». И конец наступает.

Последний акт – страшный акт. Это «жестокий» акт.

На сцене совершается жестокость. Но и жестокость-то совершается как-то по-детски. Дети так, сами не замечая, совершают ужасные жестокости.

Апофеоз безалаберности.

Весь акт полон суматохи по поводу старого верного слуги, больного Фирса.

– У меня две заботы, – говорит г-жа Раневская, расставаясь с родным гнездом, – первая: больной Фирс.

– Фирса отправили в больницу?

– Ты спрашивал: Фирса отправили в больницу?

– Что Фирс?

Но действительно осведомиться о Фирсе, за суматохой об нем, никто и не догадался. И вот все уехали. Двери заперты. Ставни закрыты. Из своей каморки выходит Фирс. Человека забыли. Так беспокоились, – и забыли. Он ложится на диван:

– Ничего… я полежу…

У него срываются трогательные слова:

– А надел ли Леонид Андреевич шубу в дорогу?.. Не доглядел… Поди, в пальто поехал… Ох, молодо, зелено…

И вздыхая о своем пятидесятилетнем барине-ребенке, Фирс лежит на диване, с которого уже, вероятно, не встанет.

Тихо в пустом доме.

Из сада доносится стук топора. Рубят старые вишневые

деревья.

Словно заколачивают крышку гроба.

Кто ж идет на смену этим умирающим людям?

Купец Лопахин.

Студент Трофимов.

Лопахин кулак, из мужиков.

Это был бы кулак, каких мы видели на сцене уже много, – если бы Чехов не дал ему «исторического объяснения».

Лопахин торжествует:

– Здесь мой дед, мой отец на кухню не смел войти. А я – хозяин. Не сон ли?

Но не Лопахин виновен в этом торжестве.

«Чумазый»[8], он идет, как исполнитель непреложных велений судьбы. Он только орудие неизбежного.

Он очень любит помещицу Раневскую и ее семью. У него в мыслях нет ее разорить. Он хочет, всей душой хочет ее спасти.

Он дает им средство к спасению.

Разбить имение на участки. Сдать поддачи. Дело верное.

Но что же поделать, когда на деловые разговоры эти большие дети умеют отвечать только вздохами.

– Как? Вырубить наш старый, наш милый вишневый сад?

И «Вишневый сад» идет с аукциона. И Лопахин покупает

---

[8] *«Чумазый»* – название кулаков из крестьян, мещанства, купечества, разбогатевших после отмена крепостного права на скупке земель у разорившихся помещиков. Кличка впервые была введена М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Мелочах жизни» (1886).

и рубит сад. Не он бы, так другой.

Другой представитель бодрого, молодого и сильного поколения – студент Трофимов.

Он поет «бодрую песнь».

– На новую жизнь!

Но студент Трофимов седьмой год сидит в университете. Один из тех, про которых говорится в терпигоревском «Оскудении»[9]:

– Слава Богу, учится успешно: каждый год с факультета на факультет переходит.

И когда этот Трофимов говорит:

– На новую жизнь! Слышится:

– На новый факультет!

Когда же наша жизнь станет разумной, радостной, светлой, красивой, – говоря любимое чеховское слово, – «изящной»?

Во всех чеховских пьесах, всегда, среди предрассветного унылого сумрака светится на самом краю горизонта слабая, бледная полоска утренней зари.

Так и здесь.

Одно из действующих лиц говорит:

---

[9] *…про которых говорится в терпигоревском «Оскудении»… – Терпигорев* (псевдоним Агава) Сергей Николаевич (1841—1895) – русский писатель, известность ему принесла книга «Оскудение. Очерки, заметки, размышления тамбовского помещика» (1880), запечатлевшая быт и нравы дворянства, жизнь деревни до и после крестьянской реформы.

– Лет через двести наша жизнь станет[10]… Через двести…

Мне вспомнился узник из «Птичек певчих».

– Этим маленьким ножичком по стене чик, – и через десять лет вы свободны.

Комедия Чехова, трагедия Чехова, повесть, поэма, – называйте, как хотите это стихотворение в прозе, – исполняется в Художественном театре превосходно.

Очень хороша г-жа Книппер[11].

Очень типичен г. Станиславский[12]. Трогательный образ старого слуги дает г. Артем[13]. И силищей кулака, но и дрожью задетых нежных душевных струн веет от исполнения г. Леонидова[14]. Превосходен г. Москвин[15] в роли приказчика

---

[10] *Одно из действующих лиц говорит: лет через двести наша жизнь станет…* – Слова Вершинина из пьесы «Три сестры» (1900): «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной».

[11] *Очень хороша г-жа Книппер. – Книппер-Чехова* Ольга Леонардовна (1868—1959) – русская актриса. С 1898 г. и до конца жизни работала в Художественном театре. В «Вишневом саде» выступила в роли Раневской. Талант Книппер-Чеховой отличался глубиной чувств и сдержанностью их выражения, психологической тонкостью и строгостью

[12] *Очень типичен г. Станиславский.* – К.С. Станиславский играл в «Вишневом саде» Гаева.

[13] *Трогательный образ старого слуги дает г. Артём.* – А.Р. Артём исполнил роль Фирса.

[14] *…веет от исполнения Г. Леонидова.* – Л.М. Леонидов играл Лопахина.

[15] *Москвин* Иван Михайлович (1874—1946) – русский актер. Начинал в провинции, работал в Театре Корша, с 1898 г. в труппе Художественного театра. В «Вишневом саде» выступил в роли Епиходова. Был мастером воплощения русских типов.

Епиходова, – поистине, художественное создание. И снова удивителен «вечно неузнаваемый» г. Качалов[16].

Очень хороша и полна поэзии постановка: глядящий в окна весь в цвету вишневый сад, полный щебетом птиц и мягкие, нежные, летние сумерки второго акта. Настоящие поэты и большие художники работают в этом театре.

---

[16] *Качалов* (настоящая фамилия Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) – русский актер. Работал в Театре А.С. Суворина, играл в провинции, с 1900 г. состоял в труппе Художественного театра. Обладал большим сценическим обаянием, редким по красоте голосом, пластичностью движений. Был любимым актером русской демократической интеллигенции. Не замыкался в рамках определенного амплуа, создавал образы как исполненные высокого драматизма, так и комедийной остроты. В «Вишневом саде» играл Трофимова.